

1965; Лобанов М. Внутренний и внешний человек // Молодая гвардия. 1966. № 5; Макаров А. Идеи и образы Василия Аксенова // Макаров А. Поколения и судьбы. Кн. 2. М., 1967; Сидоров Е. Рэгайм в стиле Аксенова // Юность. 1989. № 7; Шохина В. Таинственный остров // Октябрь. 1990. № 11; Линецкий В. Аксенов в новом свете // Нева. 1992. № 8; Зверев А. Блюзы четвертого поколения // Лит. обозрение. 1992. № 11/12.

А. С. Карпов

АКУЛОВ Иван Иванович [7.9.1922, д. Уророво близ Туринска Свердловской обл.—25.12.1988, Москва] — прозаик.

Родился в крестьянской семье. После окончания школы учился в сельскохозяйственном техникуме. В 1942 окончил военное пехотное училище и до самого конца Великой Отечественной войны находился на фронте. Дважды был ранен. День Победы встретил в Кенигсберге. «Мое начальство хотело, чтобы я поехал учиться в военную академию,— вспоминал писатель,— но я уже неизлечимо болел литературой и тайно мечтал писать <...> думалось, раз я вышел живым из этой смертной купели — мне есть о чем рассказать...» (Сергованцев Н.— С. 9). Демобилизовавшись из армии, А. поступил на филол. ф-т Свердловского педагогического ин-та. После его окончания (1950) работал учителем, директором

И. И. Акулов

средней школы, заведующим сельскохозяйственным отделом в газ. «Уральский рабочий», в ж. «Урал» (1962).

Дебютировал повестью **«Двама дорогами»** (1958), в которой угадываются лит. повторы тех лет (обязательное противопоставление положительного и отрицательного героев). Иван Стрепетов, получивший на фронте увечье (потерял кисти обеих рук), ставшее источником его отчуждения от людей, возвращается из города в родную деревню. Председатель колхоза устраивает его на звероферму (раньше туда инвалидов не брали). Антипод Стрепетова — Тихон Мясов, тоже инвалид,— избрал иной путь. Запутавшийся в легкой жизни, пытавшийся убить Ивана, он бежал от совершенного преступления и погиб в тайге. Изначально заданная схема развития сюжета повести помешала А. полностью развернуть характеры и жизненные обстоятельства. Между тем раздумья А. о послевоенном колхозном устройстве, интерес к крестьянской тематике определили направленность дальнейших его творческих поисков.

Повесть А. **«Варнак»** (1962), полемически направленную против романтизации молодого героя, бежавшего из столицы в сибирскую глушь, отличает полууголовная и таежная экзотика (влияние Д. Мамина-Сибиряка и В. Шишкова). Внимание А. сосредоточено на становлении в трудных жизненных обстоятельствах незаурядной натуры Петра Сторожева (голодное военное детство, раннее сиротство, учеба в городе, работа). Повесть «Варнак» обнаруживала меткие наблюдения над миром уральской жизни. Вс. Иванов писал А.: «Вы тонкий бытописатель, хорошо чувствуете своих героев, слышите и умеете подавать живую речь, хорошо увидеть вроде бы мелкие детали, но они под Вашим пером обретают особый свет, особое звучание и помогают нам, читателям, легко войти в мир Ваших героев». Обращая внимание на просчеты, Вс. Иванов советовал: «...не делите сразу людей на заведомо плохих и хороших. Родимся мы людьми, а человеком нас делает среда» (Там же. С. 18).

Интерес к социальной проблематике проявился в «аграрно-производственном» романе **«В вечном долгу»** (1961–65), посвященном теме переустройства сельского хозяйства в послевоенной уральской деревне. В этом произведении, по словам автора, «идет неумолкаемый спор о севооборотах и семенах, о зяби и трудоднях, но это всего лишь исходный материал для создания и столкновения человеческих характеров» (Там же. С. 19). В обостренном восприятии социально-нравственных конфликтов времени

А. шел вслед за В. Овечкиным, развивая при этом свою эпическую манеру письма. Роман «В вечном долгу» взывал к чувству хозяина на земле, напоминал о вечном долге людей перед землей-кормилицей и русской деревней: «Мы не имеем права только брать, иначе мы, как гусеница, опадём вместе с изъеденным листом <...> Любая деревенька <...> рубилась мужиками по законам земли и времени <...> она своей натруженной и щедрой рукой кладет на наш стол кусочек хлеба. Она всегда была и есть частица великой России <...> Мне не терпелось спеть величальную песню малому проселку, тихой моей родине» (Там же. С. 19). Роман «В вечном долгу» открыл А. дорогу к его главным книгам о русском крестьянстве — романам «Крещение» (1975) и «Касьян остудный» (1965–79).

Биографический в своей основе роман «Крещение», посвященный событиям первого года войны, воспринимается как живой документ, написанный чудом уцелевшим участником событий. 1-я часть его была опубликована в ж. «Молодая гвардия» в 1969, 2-я — в 1971, 3-я, завершающая, — в 1975. Роман А. оказался практически обойденным вниманием критики (такая же участь постигнет в дальнейшем и роман «Касьян остудный»). По мнению А. Ланщикова, причина этого состояла в том, что «к моменту выхода романа <...> критика устала спорить о минувшей войне и литературе о ней» (Ланщиков А.— С. 178–179). В первых двух частях романа охватываются события начальных дней войны и до апр. 1942. 3-я часть посвящена исследованию причин провала наступления на участке Южного фронта. Хотя действие в романе переносится в расположение штабов, дивизий, фронтов и даже в Ставку Верховного Главнокомандующего, «Крещение» — книга о рядовых участниках войны, «шинельной массе». «Меня мало заботила внешняя сторона боевых действий... — говорил А. — Мне нужно было показать истоки народного подвига, которые скрыты <...> в самой природе русского характера <...> проникнуть в душевный мир моих героев, найти психологическое объяснение поступков и вскрыть психологию самих поступков...» (Там же. С. 52–53). Война в романе дана через мировосприятие крестьянина, обобщенное представление о котором складывается в книге из мн. судеб и характеров (Охватов, Малков, Урусов, Клепиков, Минаков и др.). В 1980 за роман «Крещение» А. была присуждена Гос. премия РСФСР им. М. Горького.

Наиболее ярко эпический талант А. раскрылся в многоплановом социально-исследовательском романе «Касьян остудный», где

дана масштабная картина кануна коллективизации в уральской деревне (распад старого жизненного уклада, процессы осереднения крестьянских хозяйств, социальная междуособица), показаны первые шаги колхозного строя (этому посвящена 3-я часть книги, начинающаяся с сенокосной поры 1930, когда действует созданный зимой колхоз и лишь единоличные хозяйства упорствуют). Значительное место в романе уделено анализу перегибов, их причин. А. обращается к материалам партийных дискуссий по крестьянскому вопросу, показаны действия отдельных представителей левой оппозиции и их подручных на местах. (Районом в романе руководит гордящийся своим некрестьянским происхождением «левак-загибщик» Борис Мошкин, который любое пререкание с собой воспринимает как социальное вредительство; в сельсовете сидит недалекий, малограмотный Егор Бедулев, примитивно понимающий задачи коллективизации.) Перегибы явились причиной смерти Семена Оглоблина, Федота Кадушкина, сломали судьбы Ржанова, Якова Умнова, Зотeya Сибирцева. А. проводит в романе мысль, что, несмотря на перегибы, жестокость, большинство крестьян в 1920-е поддерживало аграрные начинания советской власти (сознательное отношение к коллективизации в романе проявляют Влас, Струев и Баландин — люди, становившиеся авангардом колхозного движения). Одна из сокровенных мыслей «Касьяна остудного» связана с образом Харитона Кадушкина, заочно приговоренного активом бедноты к выселению и тайно бежавшего из деревни на строительство уральского завода-гиганта. Это особый тип крестьянина-земледелца, который, выбившись при советской власти из бедноты, стремился увеличить посев, нанимал рабочую силу. Жесткие меры притеснения против таких крестьян (их зачисляли в кулаки и ссылали) побуждали их оставлять деревни, уходить в города или куда глаза глядят. Эти процессы дали начало будущему мужицкому исходу с земли. «Касьян остудный» — произведение о взаимоотношениях крестьянина с землей-кормилицей, сокровенной связи с ней. Мастерство А.-художника проявилось в создании колоритных, запоминающихся крестьянских характеров, в описании ярких картин природы, воспринятых цепким глазом мужика-земледелца, соотнесенных с его думами, тревогами, надеждами. Ф. А. Абрамов писал А.: «Могучую книгу Вы написали, Иван Иванович! Так о русской деревне на ее великом рубеже еще никто до Вас не писал...» (Сергованцев Н.— С. 172).

В центре последнего романа А. «**Ошибись, милая**», опубликованного в 1987 в ж. «Москва» (№ 1–3), — русская деревня начала века, ломка сельской общины, многие века державшей на себе крестьянский мир. А. размышляет о сущности общины, ее исторической роли в формировании народной духовности и нравственности, пытается понять, почему с ее крушением оказалось возможным социальное расслоение, человеческая озлобленность и отчужденность. «Роман „Ошибись, милая“, — отмечал Э. Володин, — не оставляет сомнения в неоднозначности уничтожения общины. Крушение общины всем ходом повествования вызывает к возрождению ее в новых социальных условиях, в новых экономических основаниях» (Дон. 1988. № 1. С. 169). А. показывает, что сельская община была формой защиты крестьянина от эксплуатации, была условием сохранения взаимопомощи, нравственного воспитания, крепости народных традиций, носительницей народной нравственности. Не избежав некоторой идеализации сельской общины, А. убедительно показал, что в ней — истоки русского национального характера, особенностей национально-исторической жизни России.

Сохраняя верность жанру романа, своей неторопливой эпической манере письма, А. вместе с тем работал и в жанре рассказа. Лучшие из них собраны писателем в сб. «**Нечаянное счастье**» (1982). А. является автором пьесы «**Медвежий угол**». В центре этого произведения — многосторонние проблемы совр. человека, обращенные к его личности, его добродетелям и порокам.

Соч.: Избранные соч.: в 3 т. / вступ. статья Б. Можаяева. М., 1974; Касьян остудный. М., 1979; Нечаянное счастье: рассказы / вступ. статья В. Чалмаева. М., 1982; Ошибись, милая. М., 1987; Скорая развязка: повести и рассказы. М., 1989.

Лит.: Можаяев Б. Оставленные в наследство заветы: Проза И. Акулова // Наш современник. 1982. № 5. С. 181–187; Филиппович А. Слово об учителе: К 60-летию И. Акулова // Урал. 1982. № 9. С. 162–165; Сергованцев Н. Иван Акулов. М., 1986; Шагалов А. А. Уроки ответственности: Подвиг как исполненный долг в совр. прозе о Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 21–61; Володин Э. На чем стоит мир: Заметки о прозе И. Акулова // Дон. 1988. № 1. С. 167–189; Леонов Б. А. Утверждение. М., 1988. С. 266–278; Ланщиков А. Очевидность минувшего // Ланщиков А. Избранное. М., 1989. С. 178–193; Герасименко А. П. Русский советский роман 60–80-х годов. М., 1989. С. 128–130; Виноградов Л. Перечитать Акулова... // Лит. газ. 2002. 4–10 сент. С. 10.

В. Н. Запезалов

Р. М. Акульшин

АКУЛЬШИН (Березов) Родион Михайлович [27.3(8.4).1896, с. Вилатово Самарской губ.— до 25.6.1988, Ашфорд, штат Коннектикут, США] — прозаик, поэт, детский писатель.

Родился в бедной крестьянской семье. По окончании учительской семинарии (1915) работал педагогом в разных городах. Сконца 1923 жил в Москве. Учился в Высшем лит.-худож. ин-те им. В. Я. Брюсова. Входил в лит. группу «Перевал», возглавлявшуюся А. К. Воронским (наряду с др. распущена в 1932; в конце 1930-х почти все участники группы разделили трагическую судьбу руководителя). Мобилизованный в народное ополчение, А. попал в плен. Освобожденный из концлагеря американскими войсками, он оказался в лагере для перемещенных лиц и, не пожелав возвращаться в Советский Союз, в американском консульстве назвал поляком, уроженцем Люблинской губ. В Сан-Франциско А. при оформлении документов сообщил о себе достоверные сведения, но назвал Березовым. В итоге против А. было возбуждено уголовное дело, которое он выиграл. Благоприятный для А. исход процесса облегчил положение множества бывших советских граждан, приехавших с фиктивными документами («березовская болезнь»). Последние годы провел в доме для престарелых, прикованный к постели.

Лит. деятельность А. началась в 1911. Впервые он выступил в печати в 1917. Первый сб. рассказов «**О чем шепчет дерев-**